

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

5

АРХЕТИП 1

ГЕРОИНЯ-ВОИТЕЛЬНИЦА

ВАСИЛИСА ПРЕКРАСНАЯ

20

ЕЛЕНА ПРЕМУДРАЯ

30

МОРСКОЙ ЦАРЬ И ВАСИЛИСА ПРЕМУДРАЯ

37

МАРЬЯ МОРЕВНА

46

ВАЗУЗА И ВОЛГА

57

ВАСИЛИЙ-ЦАРЕВИЧ И ЕЛЕНА ПРЕКРАСНАЯ

58

ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА

65

ЦАРЕВНА-ЗМЕЯ

71

ГУСИ-ЛЕБЕДИ

76

АРХЕТИП 2
ДЕВА В БЕДЕ

АРЫСЬ-ПОЛЕ

80

КРОШЕЧКА-ХАВРОШЕЧКА

82

МОРОЗКО

86

КУПЕЧЕСКАЯ ДОЧЬ И СЛУЖАНКА

89

ВОЛШЕБНОЕ ЗЕРКАЛЬЦЕ

95

ЗОРЬКА, ВЕЧОРКА И ПОЛУНОЧКА
106

ЗОЛОТОЙ БАШМАЧОК
112

АРХЕТИП 3
ЗЛОДЕЙКА

ИВАШКО И ВЕДЬМА
116

КНЯЗЬ ДАНИЛА-ГОВОРИЛА
122

ЛИСИЧКА-СЕСТРИЧКА И ВОЛК
129

РАССКАЗ О ВЕДЬМЕ
130

ПРИЛОЖЕНИЕ
133

АНТЕЙКУ О «РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ
С ЖЕНСКИМИ АРХЕТИПАМИ»
134

ПРЕДСЛОВИЕ

«...И вскочила тогда Крошечка-Хаврошечка на своего верного боевого коня и сказала: „Будь что будет, а найду свое счастье, только бы Царевна-лягушка мне все планы не спутала. Ну да если что, мачехе письмоцо пошлю — выручит“».

В тексте авторского произведения подобный образ вряд ли кого-нибудь удивит. Ведь автор по щучьему веленью, по своему хотенью хоть Хаврошечку научит скакать во весь опор, хоть Царевну-лягушку сделает коварной кикиморой. Но в народной, фольклорной сказке такое развитие событий исключено. Облик, характеры и даже испытания героев и героинь распределены так же четко, как наряды и аксессуары по шкафчикам в гримерной: Хаврошечке — ситцевый сарафанчик, Марье Моревне (до поры до времени) — доспехи, Василисе Прекрасной — шитый золотом наряд, а бабе-яге — что-нибудь темное да ступу с помелом. Каждый набор черт схематичен, узнаваем и лежит в основе целого ряда связанных образов, то есть архетипичен.

Архетип (от др.-греч. ἀρχή — «начало» и τύπος — «сорт, вид») — это первичная универсальная типобразующая форма, «конкретная явленность абстрактного». Далекими предками архетипа как понятия были эйдосы Платона, которые философ называл «началами», живущими в душе каждого человека и общими для всех. Вот эти начала-эйдосы и развернулись во всю ширь в различных контекстах мировой культуры.

В литературоведении под этим термином понимается «порождающая модель» (по А. Ю. Большаковой), которая может внешне варьироваться, но при этом сохраняет свое смысловое ядро. В культурологии базовая культурная модель.

В социологии это социальная роль со всеми присущими ей поведенческими сценариями и этическими установками (применительно к сказкам «мать», «отец», «невеста», «воин» и т. д.).

В психологии, особенно в сказкотерапии, архетип выступает как некая константа на фоне постоянно изменяющихся культурно-исторических «декораций». Т.Д. Зинкевич-Евстигнеева называет его «базовой матрицей» и «фундаментальным механизмом».

Архетипичны не только сказочные герои, но и контекст, в котором они действуют, то есть сами сказки. Выходя далеко за границы развлекательного чтения, они консервируют, казалось бы, в привычных и несложных образах информацию о мифологической, бытовой, социально-исторической, поведенческой, духовной сторонах жизни.

В Древней Руси волшебную сказку (в отличие от бытовой) вообще не рассматривали как развлечение. Это была форма колдовского обряда со своими заклинаниями, отголоски которых отразились в повторяемости элементов и устоявшихся формулировках. Отчасти этим объясняется исключительно устное бытование жанра.

С XVII столетия сказку стали воспринимать как художественное произведение и только с XIX века конкретно как «вымышленный рассказ, небывалую и даже несбыточную повесть, сказание» (В. И. Даль). Этот рубеж в отношении к сказке отмечал В. Я. Пропп: «[К 1840 годам был] намечен один из основных признаков [сказки], а именно... характер сказки как вымысла, не выдающего себя за действительность».

К разным исследователям сказка, как избушка на курьих ножках, поворачивалась своим окошком. Психолог К. Юнг видел в ней подсознательную фантазию, собиратель фольклора А. Н. Афанасьев – метафорическое описание природных явлений, а Е. М. Мелетинский акцентиро-

вал внимание на пережитках ритуально-мифологического мышления.

В современном литературоведении эталонной считается классификация сказок, предложенная В.Я. Проппом: кумулятивные, о людях, о животных и волшебные. На стыке литературоведения и психологии появились и более узкие классификации, в том числе по гендерному признаку центрального персонажа и по характеру достижения им цели (В. Н. Люсин, В. А. Чернышев). Из всего этого разнообразия остановимся на волшебных сказках с центральным женским персонажем.

В.А. Чернышев вывел своеобразную систему координат, в которую поместил двенадцать типажей, с одной стороны восходящих к архетипам древности родом из русского фольклора, с другой — к архетипам юнгианской школы (о них чуть ниже).

Женские образы представлены здесь фигурами матери (мачехи), Василисы Прекрасной и бабы-яги. У каждой из них есть своя цель, обозначенная на «оси мотивации» («Стабильность и контроль», «Риск и мастерство», «Принадлежность и обладание», «Независимость и самореализация»). «Ось стадий» показывает уровень сформированности личности на этапах «подготовки», «пути» и «возвращения».

Мотив пути-испытания со своими антагонистами и помощниками лежит в основе любого сказочного сюжета. Несмотря на различие «декораций», маршрут неизменен: мир живых (точка отправления, «подготовка» по Чернышеву) — мир мертвых («путь») — мир живых («возвращение» в новом качестве). В. Я. Пропп демонстрирует это на примере двух царств: того, куда слушатель попадает в зачине сказки («В некотором царстве, в некотором государстве»), и того, куда герой вынужден отправиться «за тридевять земель».

